

И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

СЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕННОВЦЕВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ИГОРЬ ВСЕВОЛОЖСКИЙ

В 842

СЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕННОВЦЕВ

РИСУНКИ П. КОНДРАТЬЕВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

Для старшего дошкольного возраста.

Редактор *Е. Румянский*. Редактор-художник *И. Поголов*. Технический редактор *А. Николаев*. Корректор *А. Соколов* и *М. Белкина*. Книга сдана в набор 9/III 1939 г. Подписана к печати 27/IV 1939 г. Д-5. Лениздат № 66. Лениздат № 2234. Тираж 2500 экз. Заказ № 183. Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{2}$ 4/4, печ. л. (4 л. + 1 вкл.) 24-х л. л. 425. Авт. л. 0,74. (45 000 тип. зв. в 1 бум. л.) Бумага л. 1. 2-я фабрика детской книги Детиздата ЦК ВЛКСМ. Ленинград. 2-я Советская, 7.

Цена 1 р. 75 к. Переплет 75 к.

28277

693 194 кх ред

Российская государственная
детская библиотека

СЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕННОВЦЕВ

1

Однажды в февральское утро белогвардейцы ворвались в станицу Платовскую, родную станицу Семена Михайловича Буденного. Буденного не было дома — он уехал на съезд в город Сальск.

Белые знали, что в районе находится отряд красных партизан, и боялись, что он может внезапно нагрянуть на станицу. К ночи были усилены сторожевые заставы.

Белогвардейцы грабили и убивали. Они посадили под арест триста станичников-бедняков. Командир белогвардейского отряда приказал всех арестованных расстрелять на рассвете.

Наступила ночь. В пустом заколоченном доме осужденные ждали смерти.

Глухою ночью Буденный обошел сторожевые заставы белых и пробрался к небольшой мазанке на краю станицы. Ставни были закрыты. Буденный слегка стукнул в дверь. Никто не отпирал. Буденный минуту подождал, прислушался и стукнул еще раз, чуть громче. Кто-то зашевелился в доме, вышел в сени.

Скрипнул засов. Дверь открылась, на пороге стояла мать.

— Мамо, — шепнул Буденный.

— Семен! Родной мой!

Семен Михайлович прижался щекой к мокрому от слез лицу матери.

— Ты голодный, наверно?

— Нет, я не голодный, мамо! — ответил Буденный.

— Ты с войском?

— Нет, я один.

— Один?.. — воскликнула мать. — Уходи, сынку, уходи сейчас. Ищут тебя...

— Сколько белых в станице, мамо, не видала?

— Говорили, четыре сотни. Уходи, пока не поздно.

— Сейчас уйду, мамо. А сколько орудий?

— Одно, у станичного правления. Сема, родной, прошу тебя, уйди...

— Ухожу. А пулеметов не видела?

— Два; сынок.

— Где?

— На площади.

— Прощай, мамо... Жди в гости.

И, крепко расцеловав мать, Буденный исчез во тьме.

3

В небе чуть стало светлеть, когда отряд в восемь всадников остановился на старом заброшенном кладбище среди истлевших крестов. Всадники слезли с коней. Перед Буденным стояли семь товарищей, которых он знал с детских лет.

Бойцы ждали от командира приказа.

— Вот что, хлопцы, — сказал Буденный. — Нас восемь человек. Если итти в открытую, мы и сами погибнем и родных и близких не выручим. Но мы с вами сильны тем, что знаем все тропки. Мы обойдем охранение и подойдем к станичному правлению. Мы с Филиппом попытаемся убрать конвой, завладеть пулеметами и выручить смертников. А вы не зевайте. Делитесь на эскадроны... на шесть эскадронов.

— Как это на шесть эскадронов? — спросил Андрей Баранников.

— А вот как. Ты, Андрейка, будешь первым эскадроном. Кричи что есть силы: „Первый эскадрон, за мной, в атаку, марш!“ Понял?

— Понял, — ответил Андрейка.

— Ты, Федор, будешь вторым эскадроном. Стреляй из винтовки и кричи: „Второй эскадрон, сыны революции, за мной, в атаку!“ Понял?

— Понял, — ответил Федор.

— Ты, Афанасий, будешь третьим эскадром, ты, Кузьма, — четвертым, ты — пятым, ты — шестым. Смелость, хлопцы, города берет. Только не робейте. Помните: восемь смелых людей могут иногда сделать больше, чем иные сто. А если придется помереть, — помрем с честью. Чтоб после не стыдно было. Ясно вам, товарищи?

— Ясно!

— По ко́ням!

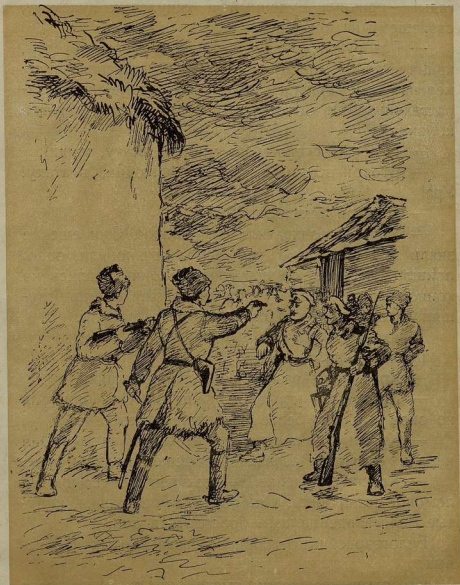
4

Конники пробрались оврагом, миновали заставы белых и задворками подошли к самой середине станицы.

Буденный и Филипп слезли с коней и привязали их к плетню. Кругом была такая тишина, какая бывает только в последние минуты перед рассветом. Буденный и Филипп увидели огонек, промелькнувший в окнах темного дома. Над крыльцом качался, как маятник, фонарь. Они знали, что в этом доме стерегут пленников. Вдруг черные тени появились на крыльце. Послышался приглушенный говор.

При свете фонаря Буденный увидел белых солдат, выводивших на расстрел первую партию осужденных. Арестованные поеживались от холода.

— Пора действовать! — шепнул Буденный Филиппу и выстрелил в фонарь. Фонарь погас, пробитый пулей.

— Вперед, бойцы, в атаку! Сдавайтесь, белые гады! — крикнул Буденный и кинулся к пулемету, стоявшему на крыльце.

— Разоружай конвой, станичники! Бери винтовки, кричи „ура“! — призывал Буденный, направляя пулемет на белогвардейцев. Сразу все зашумели. Затахтел пулемет. Со всех сторон станицы раздавалась команда:

— Первый эскадрон, за мной, в атаку, марш!

— Второй эскадрон, сыны революции, в атаку! Ура!

— Шестой эскадрон! Ура!

— Урра! — подхватили станичники. Они еще не знали как следует, в чем дело, но поняли одно: пришло спасение, пришла жизнь. Они кидались на конвойных, отбирали у них винтовки. Филипп оглушил часового прикладом и завладел пушкой.

Тарахтел пулемет.

Гулко ударило орудие.

— Красные! — разнесся по станице крик.

— Красные! — кричали офицеры. Они прыгали из окон в одном белье и убегали через сады.

— Красные! — повторяли белые солдаты. Они кидали оружие и сдавались, высоко поднимая руки.

— Красные! Буденный! — кричали поспевавшие на помощь станичники. Они подбирали винтовки, кинутые белогвардейцами, и бросались в бой.

Белогвардейцы бежали, оставляя убитых и раненых.

Им слышался топот тысяч копыт, рев тысяч глоток, кричавших „ура“.

В тот же вечер командир белого отряда докладывал полковнику Гнилорыбову:

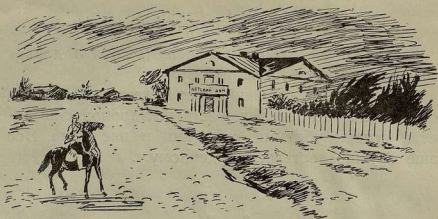
— Господин полковник! Этот Буденный прекрасно вооружен. У него целых шесть эскадронов. Мы понесли потери убитыми, ранеными и пленными. Все наше оружие досталось Буденному...

* * *

К Буденному тогда приходили все новые партизаны.

Они шли со всех хуторов. Они просили принять их в отряд. А через три дня к буденновцам присоединилась другая большая группа партизан, и конный отряд Буденного значительно вырос.

ДОМ НА ОКРАИНЕ

На самой окраине города, на проезжей дороге, стоял старый дом. В доме было двенадцать комнат и по всем комнатам бегали ребята. Они играли в прятки и в жмурки, строили из старых кресел поезд и дома. Но самой любимой игрой была игра в „пароход“. Веселая синеглазая няня Настя составляла несколько кресел, сверху ставила стул. Петька брал граммофонную трубу, залезал на самый верх и командовал, как капитан:

— Полный вперед!

А его лучший друг Павка, сидя под креслом, отвечал:

— Есть, полный вперед!

И пыхтел и гудел, как настоящий пароход.

Петька и Павка были старыми друзьями — они еще до детского дома жили на одной улице и в одном доме. Когда их отцы ушли воевать с белогвардейцами, они вместе попали в детский дом.

Однажды утром няня Настя не стала строить им пароход:

— Сегодня не до парохода, ребятки.

Настя осталась одна с ребятами в доме, все удрали: и няньки, и даже заведующий.

Где-то далеко стреляли из пушек. Потом стали стрелять все ближе и чаще. Настя закрыла окна ставнями, и во всех комнатах стало темно. Только в одной комнате не было ставней. Петька с Павкой подкрались к окну и вдруг увидели, что по дороге скачут бородатые всадники в лохматых папах. Один из всадников подскочил к бежавшему человеку и со всей силы ударил его саблей. Человек упал.

— Убил? — в ужасе спросил Петька.

— Зарубил! — ответил Павка.

Им стало страшно. Они отошли от окна.

Вдруг весь дом задрожал, такой стук раздался.

— Отпирай! — закричал кто-то.

Ребята прижались друг к другу. Никто не шел отпирать. Тогда стали бить чем-то тяжелым в дверь. Няня Настя прошла в сени. Она долго возилась с засовом. Когда она отперла дверь, на пороге стоял солдат с черной бородой и красным носом.

— Почему сразу не отпираешь?.. — закричал он на Настю и выругался.

Настя ответила:

— Здесь вам нечего делать. Здесь детский дом.

— Ты еще поговори! — Бородач пихнул Настю в грудь. Она зашаталась и чуть не упала.

За бородатым вошло еще несколько солдат. Они тащили какую-то штуку на колесах.

— Пушка? — спросил Петька.

— Пулемет!

— Генерал? — показал на бородатого Петька.

— С бородой — значит, генерал, — объяснил Павка.

Но сзади вошел еще один человек, молодой и сердитый, и стал кричать на бородатого.

А солдаты уже, видно, побывали на кухне и тащили масло, муку, сахар, хлеб. Настя кинулась к ним.

— У детишек последнее отбираете! Да как вам не стыдно? — закричала она и ухватила за мешок с мукой. Солдат вырвал мешок. Тогда Настя подскочила к офицеру.

— Разбойники! — крикнула она. — Детей грабите!

— Взять ее! — приказал офицер.

Солдаты схватили Настю и потащили ее из дома.

Ребята растерянно смотрели, как солдаты уводили Настю, их любимую, веселую и добрую няню Настю.

— А вы чего здесь? — крикнул офицер. — Марш отсюда! — И ребята попятились к двери.

В этот день, в первый раз, не было обеда. Не было обеда и на следующий день. И Насти не было, и не знали ребята, что сделали с ней белогвардейцы.

Дети бродили бледные и голодные, но выйти боялись. А когда Петька, набравшись храбрости, приоткрыл дверь, он встретился с бородатым.

— А! Половина человека! Хочешь — уши отрежу?
И бородатый показал Петьке большой страшный нож.

Петька захлопнул дверь и долго еще слышал, как солдат смеялся и кашлял, кашлял и смеялся.

Белогвардейцы расположились в комнатах, как дома, кричали, пели песни...

Все ребята попрятались. Петька и Павка лежали в самой дальней комнате под диваном, прижавшись друг к другу. Ночью один раз так пальнуло из пушки, что во всем доме посыпались стекла. И вдруг в доме поднялась суматоха. Кто-то вбежал в дом и закричал:

— Спасайся! Красные наступают!

По комнатам потащили что-то тяжелое: наверное, пулемет. Потом все стихло. Ночь была длинная-предлинная, но ребята не спали. В трубе шумел ветер, а ребятам казалось, что кто-то ходит по комнатам и стучит в окна. Наконец, сквозь щели ставней стал пробиваться дневной свет.

Вдруг возле дома послышались шаги. Хлопнула дверь. Шаги приближались, гулко отдаваясь по пустым комнатам. Ребята подумали, что это вернулся красноносый бородатый солдат и сейчас им отрежет большим ножом уши. Стало страшно.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек. Ребята видели из-под дивана только его сапоги, забрызганные грязью. Он остановился и спросил:

— Никого нет, что ли?

— Не может быть, — ответил другой из соседней комнаты. — Здесь детский дом. Ребят много. Наверное, белогвардейские гады их перепугали.

— Есть кто или нет? — спросил опять вошедший. — Да вы, ребяташки, не бойтесь. Выходи, выходи, мы не обидим.

Голос у человека был спокойный и добрый. Петька набрался храбрости, высунул голову из-под дивана и увидел такие усы, каких никогда не видел в жизни.

— А мы не боимся, — сказал Петька и снова спрятался под диван.

Человек обернулся. Глаза у него были черные и веселые.

— Где же вы?

— Под диваном, — ответил снова, высунув голову, Петька.

Человек усмехнулся, — и усмехнулись, казалось, и его огромные усы.

— Вылазить станешь? — спросил он весело.

— Стану, — ответил Петька и вылез из-под дивана.

— Поди, голодный? — спросил человек с усами.

— Ой, до чего голодный!

— А как тебя зовут?

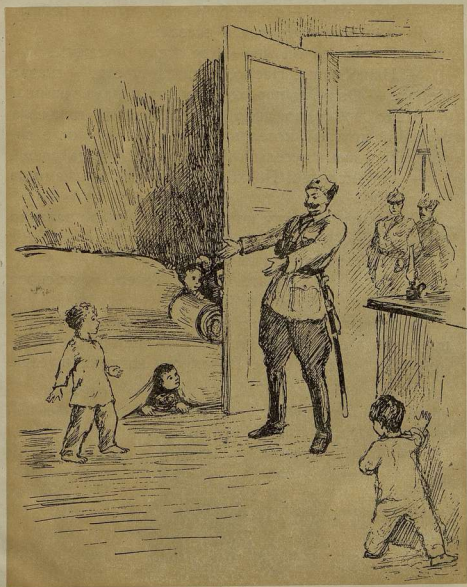
— Петька. А тебя?

— А меня — Буденный. Товарищ Гаврилов, прикажи принести сюда чаю, сахару, да пусть пришлют походную кухню.

Тут уж вылезли все ребята. Они обступили Буденного.

— Кто же вас напугал-то? — спросил Буденный ребят.

— Бородатый... Уши хотел отрезать.

— У него нож был большой!

— И нос красный!

— У-у, злой! — наперебой рассказывали ребята.

Буденный нахмурился и сказал:

— Попадется он мне — уж я ему покажу!..

— Няню нашу, Настю, солдаты увели, — сказал Петька. — Она нам пароход строила, играла с нами...

В это время во двор рыжая лошадь привезла большой круглый котел на колесах. А на котле сидел черноглазый веселый парень со звездой на шлеме.

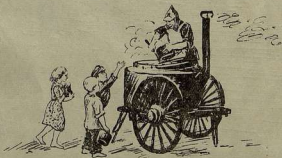
— Эй, малыши! Подходи со своими ложками да плошками!

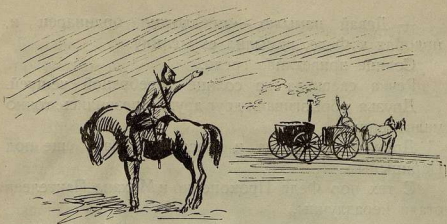
Он поднял крышку котла, и оттуда сразу запахло вкусной кашей.

Это и была походная кухня.

— Ну, ребята, ешьте досыта. Теперь у вас снова все будет.

Буденный, приложив руку к козырьку, попрощался со всеми ребятами, как с большими, а с Петькой простился за руку. Потом сел на коня и уехал.

ДВА ДРУГА

1

Эскадронный повар Федя Прокопенко снял запыленные сапоги, подошел к реке и тронул босой ногой воду. Вода была прохладная и освежающая. Его друг, ординарец Михаил Пантелеев, плечистый парень, уже стоял по пояс в воде и намыливал себе голову.

— Ну что же ты не идешь? — спросил он Федю.

Федя, белобрысый, маленький, тоже скинул рубаху и брюки и осторожно вошел в воду.

Он не доставал даже до плеча своему огромному другу.

— Давай намылю, — предложил ординарец и, подойдя к Феде, намылил ему спину.

Солнце приветливо грело.

Речка сверкала на солнце серебряной чешуей.

Друзья обрызгивали друг друга и резвились, точно мальчишки...

Дружба ординарца и повара началась еще под Царицыным.

С тех пор Федя Прокопенко и Михаил Пантелеев стали неразлучны.

Они ели из одного котелка, накрывались одним полусубком и расставались только на самое короткое время — в бою или когда ординарец скакал куда-нибудь с поручением своего командира.

А вот теперь друзья чуть не поссорились. Михаил Пантелеев во время короткого отдыха решил пойти выкупаться и освежиться. Но его друг Федя возразил:

— Опасно выходить за боевое охранение. Там близко поляки.

— Трусишь? — удивленно спросил Михаил.

Федя обиделся, но ничего не ответил, и друзья пошли к реке.

* * *

Солнце висело высоко над ними. Далеко, в тени небольшой дубовой рощицы спали крепким сном их товарищи, конники, уставшие от большого похода.

А на той стороне реки паслись на лугу коровы. Дальше, за лугом, виднелся старинный замо́к с остроконечными башенками.

Этот замо́к был занят польскими кавалеристами — уланами.

Друзья поступили очень неосторожно. Их могли заметить поляки. Но друзья забыли о них и гонялись друг за другом, разбрызгивая воду. Вот Федя догнал Пантелеева и звонко хлопнул его мокрой ладонью по спине. Вдруг Федя крикнул:

— Миша, поляки!..

— Врешь, — не поверил ординарец, но тут и сам увидел скачущих всадников.

Всадники уже въехали в реку. Друзья кинулись к берегу.

Но поляки догнали друзей и стали подгонять их к противоположному берегу.

— Ну и влопались, — сказал ординарец. — Хоть бы одежду забрали, черти.

Один из поляков, наверное, понимавший по-русски, пришпорил лошадь, быстро пересек реку, забрал одежду и, вернувшись, бросил на траву брюки и гимнастерки. Уланы остановились и подождали, пока пленники оденутся. Потом погнали их по лугу к замо́ку.

Через старинные каменные ворота пленников ввели во двор замо́ка. У коновязи стояли оседланные кони.

Друзья стояли возле истоптанной конскими копытами цветочной клумбы. Босые, они переступали с ноги на ногу. Из замка вышел офицер. Он подошел к пленникам и посмотрел на них с любопытством.

Федя смело взглянул в глаза офицера.

— Вы — буденновцы? — злобно спросил их офицер.

Друзья молчали.

— Коммунисты?

— Да! — твердо ответил Пантелеев и повторил: — Да, коммунисты!

— Что же, — снова спросил офицер, — у Буденного в армии все коммунисты?

— Да, у Буденного в армии все коммунисты! — гордо сказал ординарец.

— Численность?

Ординарец молчал.

— Ты какого полка? Эскадрона?.. — заорал офицер.

Пантелеев молчал.

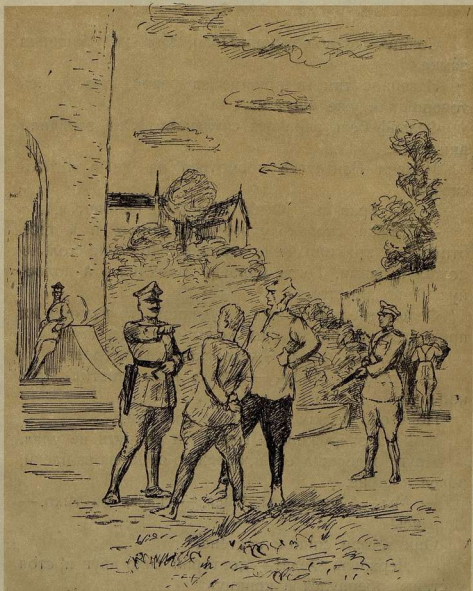
— Не желаешь отвечать? А ты? — обратился он к Феде.

Федя почувствовал, как теплая рука друга сжала его руку. И он понял, что даже если его расстреляют, он не должен ничего отвечать польскому офицеру.

Федя молчал.

Тогда офицер приказал что-то фельдфебелю по-польски.

Фельдфебель взял под козырек и пошел к уланам.

Солнце стояло совсем высоко, зазолотив башенки замка.

Наверное там, в рощице за рекой, проснулись товарищи и уже ищут их.

Фельдфебель вернулся с уланами. Они зарядили винтовки.

Михаил Пантелеев посмотрел на Федю и тихо сказал:

— Ты прав был, Федя. Прости... виноват я...

— Скажи, сколько у вас эскадронов, и я тебя отпущу! — крикнул Феде офицер. Но Федя только пожал плечами. Тогда офицер замахнулся и полоснул Федю хлыстом.

Фельдфебель подошел к буденновцам, толкнул их прикладом и приказал им встать к стене замка.

— Прощай, Федя, — тихо сказал Пантелеев.

— Прощай, Миша, — так же тихо ответил Прокopenко.

По стене бегали солнечные зайчики.

У Феде закружилась голова, и он чуть не упал.

Друг поддержал его и, бережно обнимая за плечи, повел к стене.

— Мы — буденновцы, Федя, — сказал он тихо. — Держись!

Они встали спиной к стене.

— Держись, Федя! — повторил тихо друг и, стоя у стены, обернулся и крикнул:

— Да здравствует Конная Буденного!..

Под вечер отряды Конармии выбили поляков из замка и погнали их дальше. Возле замка, на желтом песке бойцы нашли ординарца и повара.

Буденный приказал похоронить их с воинскими почестями, и над могилой друзей прогремели три залпа.

ЛЮБИМЫЙ КОНЬ БУДЕННОГО

В атаку Буденный шел всегда на своем любимом коне Казбеке.

Несколько раз Казбек выручал хозяина в бою. Однажды за Буденным гнался отряд белогвардейцев на отборных конях.

Белые нахлестывали своих коней, но догнать Буденного они не могли. Вдруг Буденный увидел впереди большой ров, пересекавший путь. Объезжать этот ров — значило попасть в руки белым. Но быстроногий и сильный Казбек спас Буденного от неминуемой смерти. Конь разогнался и, словно птица, перелетел через широкий ров. Белогвардейцы прыгать через этот ров не решились. Они слезли с коней и стали стрелять по всаднику, но напрасно. Казбек завернул в лес, и Буденный оказался в безопасности.

В другой раз, в бою, когда все смешалось и Буденный врезался в самую гущу врагов, белогвар-

дейский полковник выстрелил из револьвера в Семена Михайловича, но промахнулся.

Пуля попала в любимого коня Буденного. Конь вздыбился, но Семен Михайлович успел выстрелить в полковника. Затем Казбек упал, а Буденный вскочил на другого коня и снова бросился в бой.

Белые были разбиты. Они бежали, и наши конники гнали их по желтой, выгоревшей степи.

После боя Буденный вдруг куда-то заторопился.

— Ты куда? — спросил его товарищ Ворошилов. Он заметил, что Семен Михайлович озабочен и мрачен.

— Казбека у меня убили. Хочу в последний раз на друга взглянуть, — ответил Семен Михайлович.

— Пойдем вместе, — сказал Ворошилов.

Ворошилов и Буденный шли полем.

Буденный подошел к тому месту, где упал Казбек. Казбек прерывисто дышал. Буденный стоял молча, опечаленный. Тяжело ему было расставаться с конем.

К Буденному подошел командир.

— Пристрели его, чтоб не мучился, — сказал командир.

Буденный вынул из кобуры револьвер, нацелился.

Но вдруг конь как будто все понял. Он поднял голову и взглянул на своего хозяина. Из глаз его покатались крупные слезы.

Буденный отвел руку с револьвером и отвернулся.

— Не могу, — сказал он Ворошилову.

Ворошилов молчал.

Он видел, как тяжело Буденному расставаться

с Казбеком. Командир, который советовал пристрелить Казбека, вынул из кобуры свой револьвер.

— Погоди, — сказал Ворошилов командиру. — Надо позвать врача. Может быть, вылечим.

Командир поспешил за врачом. Врач пришел тотчас же и осмотрел коня. Он отвез Казбека в госпиталь.

В госпитале конь поправился, и вскоре Буденный смог уже снова оседлать Казбека.

И еще много раз ходил Буденный в атаку на своем любимом коне.

И еще много раз выручал Казбек своего хозяина.

СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

Белые отступали, уводя за собой восемь красных бойцов. Они захватили их в пылу боя, окружив со всех сторон.

Белогвардейцы отобрали у пленников коней, полушубки, заставили снять гимнастерки, брюки и сапоги.

Настала ночь, холодная и сырая. Падал густой, мокрый снег. Бойцы окоченели от холода.

— Хлопцы, — тихо сказал бойцам командир эскадрона товарищ Бобриков. — Нам все одно помирать. Допрашивать будут — молчите, о чем бы вас ни спросили.

— Не разговаривать! — крикнул один из белогвардейцев и толкнул Бобрикова в спину прикладом. В это время они уже подходили к станице, занятой врагами.

Во дворах ржали кони, на улице гремели повозки,

лаяли встревоженные собаки. Станица не спала. Во многих домах горел свет.

Конвоиры ввели пленников в избу. В углу под иконами на лавке сидел краснолицый полковник с большим животом.

Полковник был зол. Тринадцать тысяч отборных белых кавалеристов не смогли одолеть в бою трех тысяч буденновцев.

„Разросся, что ли, корпус Буденного?“ думал полковник.

— Вот что, — сказал он пленным буденновцам. — Я вас расстреливать не стану. Я вас, быть может, даже отпущу по домам. Вы ведь устали воевать. Вы, наверное, скучаете без своих родных, без ребятишек.

Он помолчал.

— А ну, говорите, какие части участвовали в бою? Какие части имеются в запасе? Расскажите — отпущу на все четыре стороны, — сказал он.

Восемь полураздетых бойцов стояли перед полковником. Снег таял и расползлся по полу круглыми черными лужами.

— Благодарим вас, господин полковник, — сказал товарищ Бобриков. — Только мы не хотим итти по домам. Мы воевать не устали. Дома нас подождут, а ребятишки, пока мы воюем, подрастут. Не скажем мы вам, какие части участвовали в бою. А если интересуетесь насчет запасных войск, то их у нас много, господин полковник. Все рабочие возьмут винтовки, и все крестьяне возьмут винтовки. И не вернутся они до тех пор, пока вас не добьют.

У полковника ошетились усы, он встал и закричал:

— Среди вас есть командир! Назовите мне его, и я вас отпущу!

Все восемь бойцов были без обмундирования, в одном белье. Полковник не мог узнать, кто из них командир.

Бойцы только переглянулись. Они твердо решили не выдавать своего командира.

Полковник подошел к самому низкорослому бойцу, который больше всех замерз и стучал зубами. Полковник думал, что боец стучит зубами от страха.

— Говори сию минуту, кто из вас командир, если жить хочешь...

Но ответил полковнику низкорослый боец:

— Ставь меня к стенке, а я тебе ничего не скажу.

— Ты говори! — крикнул полковник другому пленнику. Но тот только усмехнулся в ответ.

Тогда полковник приказал запереть пленников в нежилую избу и приставить к ним часового.

В пустой холодной избе конники легли, тесно прижавшись друг к другу. За окном взад и вперед ходил часовой.

Вдруг Бобриков поднял голову.

— Товарищи, — сказал он. — Неужели мы так запросто и помрем?

Бойцы подняли головы и прислушались к словам своего командира.

— Не должны мы помереть запросто, — продолжал он. — Буденный ввосьмером станицу Платов-

скую брал. Отряда тогда у него не было. Было только семь верных смелых товарищей. Не боялись они ни орудий, ни пулеметов. Буденный всегда говорит: „Смелость городá берет“.

— Что ж делать-то? Часовой сторожит, — сказал кто-то из бойцов.

— Не должны мы зря помирать, — поднялся плечистый, рослый боец.

Раньше он был кузнецом, а потом пошел добровольцем в Конную.

— Попробую, — сказал он, подошел к окну, взялся за раму и вырвал ее своими огромными руками.

Все замерли.

Но кругом все было тихо.

— Не должны мы зря помирать, — повторил кузнец и первым полез в окно. Он увидел задремавшего часового.

— Не спи, дурак, — сказал кузнец, оглушив часового кулачищем, и забрал у него винтовку. Один за другим вылезли бойцы. Ни одного белогвардейца не было видно. Все спали.

В избе, где полковник допрашивал пленных, горел свет. У крыльца были привязаны кони, их никто не сторожил. Бойцы хотели уже вскочить на коней, но командир эскадрона остановил их. Он подкрался к окну, заглянул в хату. На лавках спали четыре офицера. Их оружие, их кителя, шаровары,

сапоги, шинели валялись на полу. На столе стояли пустые бутылки.

— Пьяные, — сказал Бобриков и вошел в сени. Дверь в избу была заперта.

— А ну-ка, попробуй, — подозвал он кузнеца. Кузнец приналег плечом на дверь, она открылась. Никто не проснулся...

* * *

Через пять минут из станицы выезжали на конях четыре офицера, окружавшие четверых полураздетых людей. Часовой у околицы отдал им честь.

Выехав за околицу в степь, полураздетые бойцы вскочили в седла. Всадники прищипорили коней и по заснеженной равнине понеслись прочь от белогвардейской станицы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Семь смелых буденновцев . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>Дом на окраине . . . . .</i>	<i>10</i>
<i>Два друга . . . . .</i>	<i>17</i>
<i>Любимый конь Буденного . . . . .</i>	<i>24</i>
<i>Смелость города берет . . . . .</i>	<i>27</i>

250=
2p. 30v.

K

